

СИНЕВА

Марлен ИЗМАЙЛОВ

Марлен Измайлов

СИНЕВА

«Автор»

2026

Измайлов М.

СИНЕВА / М. Измайлов — «Автор», 2026

После кораблекрушения дайвер по прозвищу Чанкайши остается один посреди Средиземного моря. Без воды, без пищи, без надежды на спасение. Но штормовое море - это не самое страшное. Самое страшное приходит из глубины. Когда смерть становится почти неизбежной, рядом появляется Спиро — древнее существо, которое знает о человеке больше, чем тот знает о себе. Он дарит Чанкайши невозможное: увидеть свою жизнь такой, какой она была на самом деле. Без искажений и иллюзий. Пока тело медленно угасает среди бесконечной синевы, сознание Чанкайши получает свободу и вновь проходит через забытые перекрестки судьбы — детство, любовь, ошибки, случайные решения, изменившие будущее. Каждый прожитый миг оказывается частью огромного узора, связывающего человека, память и саму природу сознания. «Синева» — философская повесть о жизни и смерти, памяти и иллюзиях, и главное о выборе. Что скрывается за последней чертой, когда исчезают все привычные объяснения и страха больше нет?

© Измайлов М., 2026

© Автор, 2026

Марлен Измайлов

СИНЕВА

Глава 1

Глава 1

В толще Средиземного моря спит огромный кальмар. Он не только огромен, но и бесконечно чужд и этому морю и этому миру. Огромное белое, почти бесцветное тело кальмара спит. Его длинные щупальца едва шевелятся в толще океана. Кальмар спит. Кальмар видит сон.

...

05.05.20** TLC NEWS

Минувшей ночью в Средиземном море потерпела аварию яхта «Ласпи», совершающая плавание под флагом Российской Федерации, порт приписки Новороссийск. Современный парусный катамаран собирал пробы воды для международной экологической экспедиции «Mideteranian 20**».

Известно, что яхта перестала выходить на связь во время сильного шторма, который был зафиксирован в районе соединения бассейнов Эгейского и Средиземного морей. Спасательные службы Турции и Греции начали поиск выживших членов экипажа. По данным небольшой яхтенной марины Левисси, откуда в последний раз отбывал парусник, на борту «Ласпи» находились четыре члена экипажа и двенадцать участников научной группы. Все они имеют гражданство Российской Федерации. Полный список попавших в кораблекрушение будет опубликован в ближайшее время.

Отмечается, что ученые проводили замеры уровня пестицидов в разных точках средиземноморского бассейна, чтобы выявить зависимость между развитием сельского хозяйства в Средиземноморье и загрязнением моря продуктами распада удобрений и сточными водами сельскохозяйственного происхождения.

#СТАНЦИЯ

Скамейка на станции метро очень твердая и неудобная. Давит в бок и лицо уже онемело. Но очень хочется спать. Руки и ноги будто налиты ледяным клюквенным киселем. Слабые и тяжелые. Невыносимо хочется спать. Но очень мешают поезда. Они идут один за другим, летят с ревом мимо и несут с собой ветер, пронизывающий до костей. Очень холодно. Надо проснуться и пойти домой, но оторваться от скамейки невозможно. Поезда проносятся с ревом, продувают ветром станцию, сжимают холодом ноги и руки и плещут водой. Почему-то все пути залиты водой и поезда поднимают брызги фонтаном. И прямо на голову, за шиворот и в лицо льет ледяная вода...

Получив очередную порцию воды в лицо, Чанкайши раскрыл глаза, прикидывая как бы скорее убраться с этой скамейки, и внезапно пришел в себя. В ту же секунду он оглох от грохота воды, захлебнулся солеными брызгами и ветром продувшим легкие насквозь, сбившим дыхание. В полной тьме грохотали и грохотали как поезда, вспененные гребни волн. Но волны и их гребни только угадывались, так как вокруг была кромешная тьма. И он вскоре понял, ощутив это не глазами, а осязанием - почему так болят сведенные холодом, онемевшие руки. Его пальцы намертво вцепились в петли плоского, матерчатого ремня, а голова билась о шершавую, округлую поверхность, похожую на боковину бочки. Вестибулярный аппарат подавал телу сигналы о том, что тело то взлетает вверх, вместе с бочкой, то проваливается в холодную темень. Мозг был не в силах превратить эту кошмарную смесь сигналов в понятную и логич-

ную интерпретацию. Поэтому в пустоте черепа металась как мячик для пинг-понга не мысль даже, а короткая фраза, которую Чанкайши произносил одеревеневшими губами:

- Я в море. Я один плыву в море. Я в море...

И сознание все еще цеплялось за спасительную идею о кошмарном сне, поэтому влетало и припев:

- Это сон. Я сплю на станции метро. Я в Москве. Нужно просто проснуться. Нужно проснуться. Нужно проснуться. Черт... как холодно.

В этот момент невидимая во тьме черная волна вознесла Чанкайши в высоту. Он даже сумел разглядеть вокруг себя смутные белые полосы уходящие вдаль - гребни соседних волн. И заскользил вниз к подножию огромного водяного холма. Чанкайши схватился покрепче за свою шаткую опору. Время совсем пропало. Осязание тоже. Даже холод стал касаться тела будто через толстый ватник. И мысль о том, как он здесь оказался, до сих пор так и не навестила сознание.

Деятельность мозга все никак не могла пробиться сквозь разряды рефлексов и инстинктов поглощающих все ресурсы нервной системы. Ощущались только холод и нехватка воздуха. Как только волны и брызги давали возможность вдохнуть, Чанкайши разевал рот как можно шире и напряженно со всхлипом вдыхал, но воздух будто был лишен кислорода и надыхаться не было никакой возможности.

Когда волна снова приложила Чанкайши головой о шершавую бочку, он в полном помутнении, не отдавая себе отчета в действиях, не понимая что делает, задержался в попытке вылезти на островок шаткой суши и подняться на воду. Но круглая твердая опора вдруг начала поворачиваться увлекая его за собой. Тело рвануло головой вперед, а рука оплетенная матерчатым ремнем оказалась между ног. Мир захлопнулся и сильно надавил. Уши резанула давно известная, привычная боль, а инстинкт потребовал задержать дыхание и расслабить тело.

Сознание потускнело, пропали слова, понятия и весь мир пропал. Дышать совсем не хотелось. В пустом темном пространстве мозга вдруг расцвел белый пульсирующий цветок, источающий голубоватый свет. Осознать что это такое, облечь это в слова он уже не смог. Он вернулся на станцию метро, но теперь там было тихо. Поезда ушли в депо. Была только уютная темнота. И Чанкайши не стало

#СИНЕВА

Сначала ничего не было. Но потом появилась точка. Вернее место которое как-бы светило ощущением. В полной пустоте и тьме что-то ощущалось. Прошло бесконечно много времени, прежде чем Чанкайши понял, что это не просто что-то, а покалывание и ощущение крепкого кольца, обхватившего запястье. Это была рука Чанкайши и он осознал, что его легкими толчками тянут за руку. Тянут за руку. Больше сознание не смогло ничего придумать. Было просто ощущение движения. Движения в прохладной темноте.

Чанкайши все это отчетливо ощущал, но не связывал в слова. Все чувства начинались и заканчивались сильным давлением на запястье, будто часы на его руке начали ее сжимать и тикать так сильно, что это было похоже на легкое покусывание. Чанкайши не дышал, не думал, не ощущал - просто чувствовал свое запястье.

И вдруг его дернули так, что он в тысячную долю секунды осознал свое плечо - из которого едва не вывернули руку, онемевшие ноги, болтавшиеся будто мешки с песком, и главное он осознал дикую судорогу которая скрутила все его тело. Организм Чанкайши отчаянно хотел дышать. Но дышать было нельзя.

От следующего рывка стало настолько больно и неудобно, что Чанкайши широко открыл глаза. В его включившийся ум хлынул синий свет, который после тьмы небытия казался нестерпимо ярким. Потом он поднял взгляд и его будто пробил разряд электрического тока. Наверху,

где-то очень далеко, в недоступной выси нестерпимо сияла раскрошенная рябью, пронизанная солнцем поверхность моря.

Задышающийся Чанкайши отчаянно заработал ногами и руками, будто выкапывая себя из сдавивших грудь, синеватых комков земли. Во всем теле вспышками и острыми иглами пульсировало острое желание вдохнуть. Но Чанкайши не хотел вдыхать море, он преодолевал инстинкт и продолжал грести к поверхности. Только самый краешек его ума успевал прокручивать отстраненную мысль:

- Почему так глубоко? Сколько это? Как долго, долго... долго... Надо выдыхать, медленно выдыхать... Иначе легкие просто разорвет...

И Чанкайши выдыхал. Выдыхал наперекор инстинкту, который заставлял его вдохнуть и наполнить легкие соленым морем. Он выдыхал, медленно пропевая сквозь сложенные трубочкой губы один длинный и тягучий звук. Он буквально был глядя вверх, на поверхность:

- Уууууууууу...

Отработанные навыки Чанкайши победили его животные инстинкты. Поверхность приблизилась. Выдувая свою песню бывший утопленник отрешенно смотрел на полосы легких волн ломающих поверхность. Теперь он точно знал, что доберется туда.

Через секунду голова Чанкайши пробила пленку воды и его распахнутый рот начал закачивать в легкие кубометры соленого и сладкого как сама жизнь чистого воздуха. Сердце сбивчиво затрепыхалось под рубашкой, а глаза ничего не видели, ослепленные солнцем и блеском воды. Прошла бездна времени, прежде чем Чанкайши отдышался и смог наконец осмотреться.

Он находился посреди нестерпимо синего моря, а над ним было не менее синее небо. Его окружала только синева. Вверху была яркая синева, выцветающая к белому у жгучего круга солнца. Вокруг была насыщенная синева, покалывающая глаза солнечными бликами. А внизу расстилалась глубокая темная синева, превращающаяся в густую тьму, пронизанную косыми столбами света. Чанкайши был совсем один. Один посреди синевы...

#В МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ

На поверхности было хорошо. Солнце приятно пригревало. Воздух был божественным, как драгоценное угощение. Чанкайши улыбался и жмурился, он испытывал острое физическое наслаждение от спокойствия моря, от воздуха и тепла. Мыслей почти не было. Страх не было совсем. Светлые, выгоревшие волосы Чанкайши даже успели высохнуть и зашевелиться под ласковым ветерком, когда он вдруг дернулся, пронзенный очень простой мыслью:

- Где я? Почему я здесь?

Сердце снова часто застучало, а по спине пробежал холодок. Вот теперь Чанкайши был полностью на этом свете. Он размеренно двигал руками и ногами, удерживаясь на поверхности и вертел головой по сторонам. Он чувствовал как вокруг тела шевелится мокрая рубашка, как под коленкой сморщились мокрые джинсы, сдавливая и натирая кожу.

Но память никак не хотела давать Чанкайши понятную картину событий. В его распоряжении были только обрывки ощущений. Ночь, шторм, холод и страх. Потом тьма. Рывок. И вот он на поверхности. Больше мозг ничего не предлагал.

Полная пустота в голове. Нет, не пустота, гул и пульсация. Тело слегка содрогается. То ли от холода, то ли от паники. Хотя нет, Чанкайши не чувствовал паники. Он не чувствовал ничего. Через какое-то время он наконец понял, что с ним происходит. Есть специальное слово, чтобы описать такое состояние. Это шок. Нервная система так перегружена дикостью происходящего, что защитный механизм просто отключает мыслительные способности. Наверное это для того, чтобы тело успело приспособиться к новым обстоятельствам. Чанкайши даже отчетливо проговорил про себя эту фразу:

- Приспособиться к шокирующим обстоятельствам...

Проговорить про себя эту фразу его заставило ощущение абсолютной нереальности происходящего. Чанкайши как бы смотрел на себя со стороны. И ему захотелось проговорить это вслух.

- Надо приспособиться к шокирующим обстоятельствам. Надо... Надо...

Голос его был сиплым и будто придушенным. Так может говорить человек, который весь день просидел в одиночестве, и вдруг к нему в комнату кто-то зашел и задал вопрос. В таком случае ответ звучит сипло и неубедительно. Как если бы человек решил соврать.

- Надо было привязать линь плота к ограждению палубы, - вдруг проговорил Чанкайши, - тогда он бы раскрылся.

Чанкайши даже вздрогнул, проговорив эту фразу. Она пришла как полностью готовая мысль. Он ее не думал. Просто рот вдруг произнес слова. И в этих словах был ускользающий от Чанкайши смысл. Он мысленно переворачивал слова как камешки, или как карточки в настольной игре. Видно, что смысл какой-то есть. А что все это значит - непонятно.

- Надо было привязать...

#МАЛЕНЬКАЯ НОГА

И память начала возвращаться. Кто знает, как это работает? Но память возвращалась к Чанкайши не как последовательность событий, а как отдельные, плохо связанные между собой картинки. Некоторые куски были похожи на обрезки киноплёнки, которую прокручивают в обратную сторону.

Чанкайши испытывал нечто похожее на чувство вины. Его мучало ощущение, что он сделал что-то неправильно, и нужно обязательно об этом вспомнить и исправить. Подобное тягостное ощущение он испытывал и раньше. Обычно это бывало после редкий всплеск крошечного ночного веселья в каком-нибудь приморском городе.

Такое случается когда ты перестал считать выпитое, а энергия и природные инстинкты тянут тебя к общению с танцующими, оглушенными весельем и алкоголем девушками. И ты что-то говоришь неправильное. Что-то делаешь неправильное. Веселишься и плетешь мишуру из бессмысленных слов. Потом куда-то едешь. И где-то просыпаешься...

Вот тут как раз наступает эта штука. Чувство вины, которое пульсирует как заноза, вместе с правым виском и напоминает тебе, что последние четыре Лонг-Айленда были преступлением против себя. Это опустошение и прилипчивое чувство вины обычно проходило к полудню...

К счастью, почти всегда выходило так, что маленькая нога, торчавшая рядом из-под простыни, и пряди волос, разбросанные по подушке, принадлежали существу милому. Но в виске острые толчки головной боли. Душ? Пожалуй нет... Лучше поторавливаться. Но точно необходим кофе где-нибудь на террасе ближайшей забегаловки.

Листая цветные фантики чужих фото в телефоне, сидя у ограждения летней площадки, Чанкайши распускался душой, оттаивал. Висок успокаивался, и оставались лишь легкие толчки облегчения. А это гадкое чувство вины, которое с реальной виной будто бы и не связано вовсе, постепенно растворялось. Чанкайши возвращался обратно в свою уютную, защитную концепцию, состоявшую из предположения, что он все-таки хороший человек, а не это самое.

Но сейчас чувство вины, или вернее чувство невыполненности чего-то важного не отпустило и отпустить не могло. Доказательством того, что Чанкайши чего-то не сделал или допустил ошибку было прямо перед его носом. Вот оно, прожигает глаза синевой. А под руками и ногами нет опоры и все тело ощущает, что Чанкайши висит в толще воды, поднимая голову и отворачиваясь от ослепительного солнца.

- Да, линь надо было привязать

И он представил себе этот линь. Толстая матерчатая лента со стальным кольцом на конце. Это кольцо должно быть закреплено на судне. Когда судно будет уходить в глубину, линь должен сделать рывок, необходимый чтобы механизм сработал, а плот раскрылся, раздуваемый потоком углекислого газа и всплыл на поверхность...

#ШТОРМ

Пластиковая бочка спасательного плота переваливается с боку на бок по скачущей палубе. Чанкайши уже открутил ее крепления, повертел в руках пусковой линь, который почему-то не был ни к чему привязан, и уперевшись руками изо всех сил, поставил плот так, чтобы он точно ни за что не зацепился, если катамаран перевернется.

Над головой Чанкайши ветер шумел в такелаже. Это был даже не свист, а надрывный вой, который перекрывал все звуки. Чанкайши решил пробраться в ходовую рубку, и пошел, ковыляя вдоль левого борта, отстегивая карабин страховочного пояса и снова пристегивая его, минуя металлические стойки ограждения. Палуба выскальзывала из-под ног, совершая хаотичные толчки или неожиданно ныряя вниз.

Чанкайши почти полностью вспомнил те секунды, которые предшествовали катастрофе. Палуба начала наклоняться, она кренилась и кренилась и Чанкайши уже внутренне сжался, готовясь среагировать на ее обратное движение, но поверхность не прекратила своего перемещения. Чанкайши начал скользить по деревянному настилу палубы.

Справа и вверху что-то загрохотало, зажужжал трос и перед глазами мелькнула продолговатая тень. Чанкайши подхватила непреодолимая сила и понесла, чудовищным толчком под ребра и швырнула куда-то в темноту. Чанкайши будто замер на выдохе. Он остановившимся взглядом, в бликах аварийного освещения видел как удаляется от него палуба, стоящая вертикально. А в мертвенном свете голубоватых диодов палубной подсветки видно было море, вползающее на светлую тиковую палубу. Оно сыпалось на светлые доски как глыбы черной, маслянистой земли. И Чанкайши успел отчетливо продумать непонятно откуда взявшуюся, нелепую мысль:

- Диоды очень «холодные». Некрасиво... Надо поменять...

Следующее что помнил Чанкайши, было бурное море. Теперь он понял, что каким-то чудом натолкнулся на бочку не раскрывшегося плота. Инстинкты были сильнее отключенного сознания, и руки мертвой хваткой держались за крепления. А вокруг как поезда метро с грохотом и ветром накатывали и накатывали водяные валы...

И снова возникло щемящее чувство вины и потери, которое снова мелькнуло в мозгу обрывком мысли:

- Линь надо было привязать...

Это верно. Линь плота надо было к чему-то привязать. Тогда сейчас измученное тело Чанкайши было бы отделено от пустой и страшной синевы тентом спасательного плота. Сейчас бы он копошился в аварийных запасах, рассчитанных на двенадцать человек, он бы спокойно отлежался на мягком, колыхающемся дне плота, развесил бы мокрую одежду на надувном тенте. Потом бы он обязательно вытащил из аварийного мешка плоскую банку с консервированной водой и напился...

Спасательный плот отличная штука. В нем есть все, чтобы несколько человек могли целую неделю не умереть посреди открытого моря. Чанкайши в деталях представлял себе внутренности плота и содержимое аварийного запаса...

#СПАСАТЕЛЬНЫЙ ПЛОТ

Вместе с очень маленьким, похожим на подростка сюрвейером по имени Алексей Вениаминович, Чанкайши занимался изнурительным и довольно бессмысленным делом. Разбирал и снова собирал старые, полустгнившие, давно отслужившие свой век спасательные плоты.

Работа шла в полутемном пакгаузе и это была халтура, чтобы подзаработать немного денег. Чанкайши тогда оказался на мели, а перспективы заработка были сомнительные. И тут подвернулась эта странная и тяжелая работа.

Директор «Морского Технического Центра», невысокий худощавый мужичок с резкими манерами и громким голосом, сидел в прокуренном кабинете и ладонью нарубал воздух большими кусками.

- Вам не надо там ничего ремонтировать или заменять снаряжение. Разобрали плот, надули, сдули, собрали, опломбировали и все! Переписали серийный номер в этот журнал, поставили печать и готово. Этими плотами никто не будет пользоваться, это портофлот. Но по закону у них должны быть свежие сертификаты. Тут главное, чтобы все видели, что вы в ангаре их перебираете и выглядите как строгие контролеры! Липа должна пахнуть липой!

И мужичок по имени Виктор Владимирович, прожигал сидевшего в углу Чанкайши взглядом своих выпцветших голубых глаз. Скромный Алексей Вениаминович сидел потупившись. Он уже давно работал в «Морском Техническом Центре» и не реагировал на повышенный тон начальника.

- За каждый плот плачу пять баксов. Это вам на двоих. Там всего сто шестьдесят плотов, и надо их сделать до конца месяца. Ферштейн? - шеф снова прожег работников яростным взглядом и громко засмеялся, хотя ничего кроме названной суммы смешного тут не было.

Целый месяц и даже больше Чанкайши ворочал старые спасательные плоты. Поначалу это было даже увлекательно. Они срезали пломбы, потом откручивали стяжки и стеклопластиковые скорлупки плота распадались. Внутри каждого плота хранился тяжелый сверток пересыпанный тальком, и застарелый, сшибающий с ног острый запах резины.

Сверток, который и был спасательным плотом, нужно было развернуть, ровно разложить на бетонном полу пакгауза и извлечь из его сморщенных глубин сумку с аварийным запасом.

Ковыряться в НЗ было интересно. Там внутри было много всякой всячины. Специальный плавучий нож на верёвочке, чтобы резать веревки. Водонепроницаемый фонарь. Коробка с леской и крючками. Аптечка с медикаментами. В некоторых плотках были согревающие костюмы с внутренностью из фольги. И конечно, в каждой аварийной укладке было множество пищевых брикетов. Такие серо-коричневые кирпичики, размером со спичечный коробок и покрытые тонкой шелестящей пленкой. Три кирпичика - суточный рацион потерпевшего кораблекрушение.

Чанкайши как-то рискнул попробовать один кирпичик. Было очень любопытно. Он расковырял пленку и осторожно, одними зубами надкусил уголок твердого как камень питательного брикета. Потом долго отплевывался. Это блюдо было предназначено только для спасения от голодной смерти. А значит и есть его надо только под угрозой смерти. Что-то вроде комка земли с привкусом тухлой рыбы.

И конечно в каждом плоту были десятки банок консервированной воды. Банки грохотали и булькали, когда Чанкайши грудой высыпал их из упаковки в пластиковую оболочку плота...

#ПАЗЛЫ

Чанкайши непроизвольно облизнул успевшие обветриться, соленые губы и натужно сглотнул. Язык был похож на кусок наждака. Хотелось пить и это вернуло Чанкайши в реальность. Ноги болтались в пустоте, вокруг была все та же синева и с этим нужно было что-то делать...

В голове стали появляться обломки логики и Чанкайши начал крутить головой по сторонам. Вокруг было спокойное море с низкими гладкими волнами. Последствия вчерашнего шторма. И пологие водяные холмы закрывали горизонт. Чанкайши изо всех сил работая ногами пытался поднять голову над водой, чтобы осмотреться. Но без особого успеха. Вокруг было пустынное море. Никаких признаков берега или судна. Ничего кроме слепящей синевы.

Измученный своими попытками, задыхающийся Чанкайши растянулся на воде вытянув ноги, и время от времени опускал лицо в воду, глядя отвесно вниз. Внизу было пустынно. Синяя темнота, пронизанная лучами солнца и больше ничего. Даже рыб не было.

Чанкайши напряженно думал. Пытаясь добавить побольше кусочков в свой перепутанный пазл. Мы шли на Юго-Восток, направление на Кипр, - шевелил мозгами Чанкайши, -

ночью начался шторм. Очень сильный. В вечерней сводке погоды ничего такого не обещали, только усиление ветра.

Чанкайши вспомнил, как зашел на ходовой мостик, чтобы разузнать о графике перехода и как раз в этот момент рация зашипела на шестнадцатом канале и береговая охрана Турции на плохом английском начала зачитывать сводку погоды:

- East wind is expected to increase up to 15 knots, gusts up to 25 knots...

Пятнадцать узлов это конечно cdt;bq ветер, но это не катастрофа, можно убрать паруса и спокойно идти под мотором. Это ведь даже не шторм.

А то, что на них навалилось больше было похоже на Апокалипсис. Ветер был узлов сорок, снасти выли как грешники в аду, и весь катамаран бился в конвульсиях.

Мысли Чанкайши с трудом удерживались в настоящем моменте. Его ноги плавно работали в воде, руки поддерживали баланс тела, весь организм привычно экономил энергию. Но сосредоточиться было не на чем. Некуда было смотреть и вообще не было понятно, что нужно делать. И если поначалу, главными чувствами одинокого пловца были шок и крайнее изумление. То сейчас, когда в голове немного прояснилось, Чанкайши начал накрывать страх.

Теперь Чанкайши хорошо понимал - то что он не мертв это просто стечение обстоятельств, странная случайность. Ведь все, кто шел с ним на катамаране скорее всего мертвы. Была ночь. Все подвахтенные мирно спали. Научная группа тоже. На мостике было лишь двое. Хваткий и язвительный штурман, вахтенный, он же специалист по всей радиоаппаратуре экспедиции. Все остальные были внизу. А катамаран накренился так, что скорее всего перевернулся. Катамаран вообще не должен идти на таких углах крена. Потому что катамаран нереально так накренишь. Что же это был за ветер, что это была за волна, если катамаран шириной 16 метров лег на бок как бумажный кораблик...